

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 79–84. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 4, pp. 79–84. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира (американская литература)

УДК 821(73).09"20"

EDN QIYYCY

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-79-84>

РАССМОТРЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕМАТИКИ ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ «КРУГЛЫЙ ДОМ» Л. ЭРДРИЧ

Сапожникова Юлия Львовна, доктор филологических наук, доцент, Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия, sapojnikova.engl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5565-3813>

Аннотация. Роман «Круглый дом» Луизы Эрдрич повествует о событиях в жизни семьи Куттс, индейцев, проживающих на территории резервации. Основная сюжетная линия связана с тяжким преступлением, жертвой которого становится мать Джо Куттса, но по ходу повествования писательница описывает многие особенности культуры и истории племени оджибве. Одним из важнейших аспектов жизни индейцев, который она затрагивает, становится религия. Различие религиозных воззрений отдельных членов племени объясняется историей пребывания их предков на континенте и их взаимодействием с белыми. Луиза Эрдрич не просто констатирует сосуществование традиционных индейских верований и католической веры внутри племени (для чего она акцентирует внимание на соответствующих персонажах, которые являются приверженцами той или иной религиозной практики), но и прослеживает истоки подобного положения дел. При этом писательница не изображает католицизм и религиозные верования коренного населения как противоборствующие представления о мире. Она пытается примирить эти две религии и утверждает, что люди не обязательно должны выбрать что-то одно в попытке удовлетворить свои духовные потребности, они могут сочетать эти религиозные практики.

Ключевые слова: американская литература, «Круглый дом» Луизы Эрдрич, индейцы, религия, анимизм, тотемизм, католическая вера.

Для цитирования: Сапожникова Ю.Л. Рассмотрение религиозной тематики через систему персонажей в романе «Круглый дом» Л. Эрдрич // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 79–84. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-79-84>

Research Article

THE CONSIDERATION OF RELIGIOUS TOPIC THROUGH A SYSTEM OF CHARACTERS IN THE NOVEL “THE ROUND HOUSE” BY KAREN LOUISE ERDRICH

Yulia L. Sapozhnikova, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Smolensk State University, Smolensk, Russia, sapojnikova.engl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5565-3813>

Abstract. The novel “The Round House” by Karen Louise Erdrich relates about the events in the life of the Coutts family, Native Americans living on the territory of a reservation. The main plot is connected with a serious crime, the victim of which is the mother of Joe Coutts, but in the course of the narrative the writer describes many features of the culture and history of Ojibwe tribe. Religion belongs to the most important aspects of Indian life she focuses on. The difference in the religious views of individual members of the tribe is accounted for by the history of their ancestors’ residence on the continent and their interaction with whites. Louise Erdrich not only states the coexistence of traditional Indian beliefs and the Catholic faith within the tribe (for which she concentrates on the relevant characters who are adherents of a particular religious practice), but also traces the origins of this state of affairs. At the same time the writer does not portray Catholicism and the religious beliefs of the indigenous population as opposing ideas about the world. She tries to reconcile these two religions and argues that people do not necessarily have to choose one thing in an attempt to satisfy their spiritual needs; instead, they combine religious practices.

Keywords: American literature, “The Round House” by Louise Erdrich, Indians, religion, animism, totemism, Catholic faith.

For citation: Sapozhnikova Y.L. The consideration of religious topic through a system of characters in the novel “The Round House” by Karen Louise Erdrich. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 79–84. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-79-84>

В последние десятилетия в литературе США все более важную роль играют представители национальных меньшинств, что становится очевидным, если, например, изучить списки победителей различных литературных премий. Достаточно вспомнить присуждение Пулитцеровской, а позднее Нобелевской премий афро-американской писательнице Тони Моррисон. Лауреатами Пулитцеровской премии также становились Луиза Эрдрич (2021), писательница с индейскими корнями; афро-американские авторы Эдвард Джонс (2004) и Колсон Уайтхед (2017 и 2020); писатели бенгальского (Джумпа Лахири, 2000), доминиканского (Джуно Диас, 2008) и вьетнамского (Вьет Нгуен Тан, 2016) происхождения и др. Всех этих писателей объединяет интерес к «мультикультурным персонам» (термин искусствоведа Р. Хьюза) [Егорова], которые находятся меж двух миров, своей этнической группы и американской культуры, и пытаются выстроить свою идентичность с учетом этой двойственности культурного наследия. Через введение подобных героев названные авторы показывают не только жизнь одного человека, имеющего подобный бэкграунд, но и затрагивают тему «судьбы народа, его портрет и историческую проблему его судьбы на сопоставлении ценности традиции и цивилизации» [Егорова: 29]. Такая специфика текстов обуславливает необходимость использования в исследовании наряду с другими методами биографического и культурно-исторического методов.

Героями книг Луизы Эрдрич выступают коренные американцы. Сама она зарегистрирована в качестве члена племени индейцев Чиппева. Отец писательницы – американец немецкого происхождения, а в роду у матери были индейцы племени оджибве и французы.

Материалом нашего рассмотрения становится роман «Круглый дом» Луизы Эрдрич, получившей за него Национальную книжную премию в 2012 году. Этот роман повествует о семье 13-летнего Джо Кутса, мать которого подверглась жестокому насилию. Поскольку невозможно было точно определить, к чьей юрисдикции (штата или резервации) относится земля, на которой было совершено преступление, насильник сумел избежать наказания. Помимо основной сюжетной линии, связанной с описанным преступлением, Луиза Эрдрич дает экскурсы в культуру и историю племени оджибве, уделяя особое внимание религии, так как она является одной из базовых категорий в процессе познания мира, формирования системы ценностей, а значит, и самоидентификации. По мнению литературоведа К. Рейнуотер, проблему мировосприятия персонажей произведений коренных американцев нужно рассматривать через призму конфликтующих кодов, среди которых одним из ведущих становится оппозиция «христианство – шаман-

ство» [Rainwater]. Интерес к названной оппозиции обусловил выбор романа «Круглый дом» в качестве материала исследования, так как его сюжет построен вокруг преступления, за которое главный герой хочет отомстить, а значит, текст постоянно затрагивает вопросы греха, вины и искупления, центральных для религии.

Религиозный аспект жизни индейцев напрямую связан с историей их пребывания на континенте и дальнейшим взаимодействием с белыми.

В основе религиозных верований индейцев лежит анимизм, под которым понимается вера в существование душ и духов. Данный термин был предложен английским этнологом и культурологом Э.Б. Тайлором, который в вере в отделимых от тела духов видел древнейшую основу возникновения религии. По его мнению, эта религия создавалась «дикарем-философом» как результат размышлений над причинами видений и смерти [Доржиева, Батмаева]. Для коренных жителей видимый повседневный мир был пронизан невидимым миром духа. Во многих культурах индейцев проницаемость миров обеспечивалась шаманом, который использовал силу духа для перемещения между мирами взад и вперед, подобно тому, как речная выдра перемещается между сушей и водой. Шаманы, имеющие доступ к миру духов, пользовались почетом, и приветствовались, если они делились этим доступом с другими [Quinlan].

Также для верований коренных жителей был характерен тотемизм, представление о родстве племени с каким-то видом растений или животных, так называемым тотемом, который воспринимался как «родич и друг» и на которого пытались воздействовать через магию. На языке племени оджибве слово «тотем» означает «его род», а потому к тотему относились как к реальному предку. Племя носило его имя и поклонялось ему [Доржиева, Батмаева].

Кроме того, для картины мира индейцев была свойственна концепция Верховного Божества, которая, «как правило, представляла собой понятие о Высшей силе неперсонифицированного характера, разлитой повсюду в природе и присутствующей в каждом предмете»; оно охватывало «различные классы духов в их совокупности и мир в его единстве» [Ващенко 1997: 48]. Некоторые европейцы, впервые столкнувшиеся с индейцами, ошибочно связывали эту концепцию с монотеизмом [Ващенко 1997]. Однако большинство европейцев (среди них, например, был Ж. Картье, мореплаватель, положивший начало французской колонизации Северной Америки), отмечали, что у индейцев нет веры в Бога в том понимании, которое вкладывал «цивилизованный» мир [Доржиева, Батмаева]. Соответственно, в Америку направлялись миссионеры, ставившие целью обратить индейцев в истинную веру. Марк Николас описал подобную прак-

тику как попытку «вырвать из их сознания древний уклад жизни и заменить его новой культурой» (цит. по: [Егорова: 58]).

Проповеди миссионеров порой оказывали настолько сильное впечатление на индейцев, что они отказывались от верований предков. Достаточно вспомнить раскол в среде ирокезов на христиан и язычников, который произошел в 1670 г. В результате этого раскола часть племен приняла католичество и переселилась вместе с миссионером в Канаду, там они основали так называемую группу «молящиеся индейцы Квебека», за что Ирокезская Лига объявила их предателями. Кроме того, во время войн с европейцами индейцы поняли, что Бог белых намного сильнее, чем их Великий Дух, ведь им удавалось одержать верх над лучшими индейскими воинами. Это значило, что религия белых была более действенной. Поэтому индейцы либо стали включать в свои религиозные практики отдельные элементы христианства, или вообще обращались в новую веру [Доржиева, Батмаева]. Это продолжилось и в конце XIX века, когда начали возникать движения (к ним относились, например, «Пляска духов», «Религия мечтателей» и пейотизм, или «туземная американская церковь»), которые соединяли аборигенные традиции и разные вариации христианского вероучения, а также использовали смешанную символику [Ващенко 2003].

В XX веке практически все стороны жизни аборигенов были регламентированы, были организованы англоязычные «индейские школы» (по сути, школы-интернаты), в которых священники старались искоренить все традиционные верования учеников и воспитывали их в католической вере [Ващенко 2009].

Сама писательница признается, что никогда не имела дела с какой-то другой религией, кроме католицизма. «Хотя традиционная религия оджибве процветает, я не чувствую себя комфортно, обсуждая ее. Наверное, у меня есть свои претензии к католицизму. Хотя ты никогда не меняешься, если вырос католиком – у тебя это есть. У тебя есть этот символизм, это чувство вины, все эти тексты, и ты на самом деле не можешь этого изменить. Об этом легко говорить, потому что ты должен каким-то образом освободиться от этого» (цит. по: [Шостак: 71]). Неоднозначность отношения Л. Эрдрич к католицизму ощущается и в другом ее интервью. В нем она заявляет, что ее самое заветное желание – «стараться держаться подальше от Бога. Я действительно не хочу, чтобы Бог замечал меня. Я просто хочу иметь возможность заниматься своими повседневными делами и стараться сохранять эту очень спокойную рутинную жизнь» (цит. по: [Шостак: 71]). Наконец, в своем разговоре с журналистом Марком Энтони Роло она проводит параллели между христианским вероучением и верой индейцев и признает: «Я ду-

маю, что подлинное послание Христа о любви очень похоже на основное учение оджибве. В конце концов, ничто в церковной догме не является настолько чистым» (цит. по: [Шостак: 71]). Подобное отношение к религии находит отражение и в произведениях писательницы.

Как отмечает К. Рейнуотер, книги Л. Эрдрич изобилуют противоречивыми культурными кодами, на которые читатель должен реагировать: отсылки к Библии или опора на христианскую традицию соседствуют с различными аспектами шаманской традиции американских индейцев. Их одновременное присутствие в качестве культурных кодов затрудняет попытки читателя выбрать однозначную и непротиворечивую интерпретационную структуру [Rainwater]. Эта сложность возникает и при рассмотрении романа «Круглый дом» Л. Эрдрич, так как большинство персонажей этого произведения или связаны с церковью, или занимаются религиозными и духовными практиками, при этом они придерживаются двух разных традиций: своей традиционной религии и католицизма.

По мере развития повествования писательница пытается объяснить причины сосуществования этих двух религий внутри одного племени: «Священники и монахини жили в нашей резервации с самого ее основания. Даже приверженцы традиционных верований индейцев, люди, тайком практиковавшие старинные обряды, либо насильно приобщались к католицизму во время обучения в пансионе, либо, как Мушум в свое время, заводили дружбу с интересными священниками, либо же решали просто на всякий случай добавить поклонение чужим святым к вере в священную трубку» [Эрдрич: 320].

Вынесенный в заглавие круглый дом издавна служил для проведения обрядовых церемоний, где племя могло объединиться, чтобы вознести мольбы о милости и принять справедливые решения, касающиеся каждого. В эпоху, когда подобные ритуалы были под запретом, индейцы все равно находили способы, как обойти навязанные белыми установления. «В стародавние времена, когда индейцам не разрешалось практиковать свою религию, – ну, вообще-то не так уж и давно это было: до 1978 года, – эта бревенчатая постройка использовалась для обрядовых церемоний. Люди делали вид, будто устраивают здесь танцевальные вечера, или приносили сюда свои Библии. В те времена из южного окошка сразу можно было заметить фары машины, мчавшейся сюда по длинной дороге от города. И к тому моменту, как священник или начальник управления по делам индейцев подъезжали к круглому дому, водяные барабаны, и орлиные перья, и мешочки со снадобьями, и берестяные свитки, и священные трубки уже были спрятаны на дне двух моторок, которые тархтя спешили через озеро.

А из сумок вынимались Библии, и люди вслух читали Книгу Екклесиаста» [Эрдрич: 79]. Иногда священники, отправленные в резервацию, не хотели насильно насаждать свою религию или понимали важность сохранения наследия предков, выразившегося, в частности, и в проведении обрядов, и не препятствовали их соблюдению: «У нас в городе тогда служил старый католический священник отец Дамьен, который не гнушался садиться вместе с жрецами. Он отправлял начальника управления по делам индейцев восвояси. А водяные барабаны, орлиные перья и священные трубки снова приносили в круглый дом. Старый падре выучил наши песни. Никто из нынешних священников их уже не знает» [Эрдрич: 80]. Благодаря собственной находчивости и упорству в следовании древним обычаям, а также лояльному отношению некоторых католических священников старинные религиозные практики были сохранены и передавались молодому поколению.

Среди персонажей «Круглого дома», практикующих ритуалы предков, можно увидеть как совсем старых, например деда Мушума, так и достаточно молодых, например Рэндалла, обученного всем таинствам религии своим отцом – Доу. В романе описывается, как благодаря обряду в парильне Доу излечил Линду, которая, по ее словам, подхватила инфекцию духа. Несколько раз даны описания ритуалов, которые проводил Рэндалл, чтобы помолиться о здоровье и благополучии какой-то семьи. Во время одного из них к нему пришло видение неких будущих событий. С одной стороны, Л. Эрдрич подробно останавливается на всех деталях обряда, будто понимая важность всех составляющих его элементов. «Он (Рэндалл) был целиком поглощен правильным обустройством обряда очищения – расстелил перед входом в парильню одеяло из лоскутов в форме звезд, установил подставку для священных трубок, раковину для воскурений шалфея, стеклянные банки для порошкообразного снадобья, ведро и коврик. У него словно в голове была спрятана мерная рейка, которой он измерял расстояния между этими священными предметами» [Эрдрич: 54–55]. С другой стороны, через несколько страниц, изображая завершение данного ритуала, она обращается к неприкрытой иронии, когда описывает последствия неосторожного использования острого перца в парильне, в результате чего все участники церемонии выскакивали оттуда в голом виде и с дикими воплями. Подобная намеренная, как нам кажется, постановка под сомнение священности перечисляемых обрядов еще неоднократно встречается в тексте, например, когда брат Рэндалла, описывая целительные способности последнего, заявляет: «Его снадобья действуют: изза них девчонки к нему так и липнут» [Эрдрич: 55]. Как отмечает И.Н. Егорова, юмор в творчестве Л. Эр-

дрич может проявляться «в словах, поступках героев, сюжетных ситуациях и лирических отступлениях» [Егорова: 124] и выполняет целый ряд функций: от раскрытия личности персонажа до показа взаимного влияния разных культурных традиций [Егорова].

Многие члены племени являются приверженцами католицизма. Тетя главного героя, Клеменс, является истовой католичкой, свято чтящей все основные заповеди, а потому Джо знает, например, что она никогда не солжет. В эту религию детей обращали в школах-пансионах, где они учились, но дальнейшее следование вере во многом зависело от того священника, который служил в резервации. В романе Л. Эрдрич сравнивает двух духовных пастырей, которые сменили один другого. Первый, чье имя даже не называется, является воплощением типажа строгого доктринера, неспособного отойти от жестких догм и не видящего личностей в людях, составляющих его паству. Он «написал в газету гневное письмо о пагубных чарах женщин-метисок» [Эрдрич: 103]. Второй, отец Трэвис, был новообращенным, он был возведен в сан, когда ушел из армии после тяжелого ранения. Он – воплощение религии с человеческим лицом (хотя в этом тоже есть определенная авторская ирония, учитывая его опыт участия в боевых действиях и привычку стрелять в сусликов). Отец Трэвис пытается узнать каждого члена паствы, понять их проблемы и найти к ним индивидуальный подход. При этом писательница не превращает его в ходячую добродетель – он может употребить крепкое слово и наказать того, кого считает провинившимся. Но этот священник обладает главным достоинством: он пытается докопаться до причины даже самых неоднозначных поступков и найти доброе в каждом человеке. «Вы хотите узнать о вещах, о которых вы не вправе знать. Но вы не плохие мальчики. Теперь я это вижу. Вы просто хотели узнать, кто надругался над вашей матерью. Над его матерью» [Эрдрич: 141]. Он даже пытается объяснять свои поступки, чтобы настоящие или возможные прихожане понимали, на чем базируется его вера. Так, он рассказывает мальчишкам, почему стреляет в сусликов: «Монахини травят их газом. Вам бы понравилось, если бы вас травили газом в туннелях? Уж лучше помереть без мучений на воздухе. Онидохнут вот так! – Он щелкнул пальцами. – Опрокидываются на спину и глядят в небо. Ясно? На облака» [Эрдрич: 141–142]. Через подобную историю, не прибегая к религиозным текстам и проповедям, он показал подросткам важность, пусть в этом контексте и своеобразной, заботы о живом и облегчения страданий любого существа.

Но и при рассмотрении католицизма и его приверженцев Л. Эрдрич не изменяет своей практике использования иронии. В сценах, связанных с повседневными обязанностями отца Трэвиса, можно найти

эпизод, когда он, узнав на исповеди о прелюбодеянии молодого парня с его прихожанкой, гонялся за ним сначала по церковным проходам, а потом преследовал и по территории резервации. В отдельных случаях мягкая ирония переходит в сарказм, когда она показывает, как люди, считающие себя истинно верующими и соблюдающие все священные обряды, ведут себя жестоко по отношению к членам своей семьи: «У Энгуса была расцарапана щека и разбита губа. Дело в том, что тетя Стар иногда лупила его ремнем. Да и Элвин любил по пьяни тайком подстеречь Энгуса и поколотить – это так веселило Элвина, что он ухохатывался чуть не до удушья» [Эрдрич: 123].

Наконец, в романе описана целая группа людей, которая сторонится любой религии. Так, мать Джо, вернувшись из пансиона, вообще перестала ходить в церковь и предпочитала не вспоминать и не говорить о религии. В их семье была принята своя религиозная практика, основанная на любви и поддержке. Сакральный характер подобных отношений подчеркивается их описанием через слова, предназначенные для номинации церковных таинств: «...он зашел в кухню, как обычно, подошел к маме со спины и обнял ее за талию. Раньше она бы продолжала хлопотать у плиты или раковины, а он бы перегнулся ей через плечо и заговорил. И так они бы еще пару минут постояли бы, изображая живую картину “Возвращение домой”. Потом он бы позвал меня и попросил помочь накрыть на стол. Он бы быстро переоделся, пока мы с мамой наносили бы завершающие штрихи ужина. А потом все сели бы за стол. В церковь мы не ходили. Но это был наш ритуал. Наше преломление хлеба, наше причастие. И этот ритуал начинался с того доверительного мгновения, когда отец подходил сзади к маме, а она, не оборачиваясь, встречала его появление улыбкой» [Эрдрич: 62–63].

Можно сделать вывод, что Л. Эрдрич не идеализирует ни традиционные верования индейцев, ни католицизм. Она просто показывает причины их сосуществования в рамках одного племени. Читатель понимает, что без этой способности маневрировать между религиями индейцы не смогли бы сохранить свою культуру. Во времена описываемых событий (80-е гг. прошлого века) местные духовные традиции и христианские религиозные верования часто практиковались бок о бок, что происходит и в настоящее время, как очень просто описывает Большая Мама, практикующая традиционную споканскую религию: «Это зависит от вас. Вы делаете свой выбор» (цит. по: [Fitz, Gross: 431]). Таким образом, с точки зрения К. Фитца и К.-Д. Гросса, она предполагает, что необходимо продуктивно использовать элементы обеих доступных религий, чтобы коренные американцы могли найти свое место в американском настоящем [Fitz, Gross].

Важно подчеркнуть, что католицизм и религиозные верования коренного населения, которые исторически находились в конфликте, не рассматриваются персонажами книги как противоположные, а потому противоборствующие представления о мире. Хотя некоторые персонажи, такие как тетя Джо Клеменс, чтут католическую церковь, а другие, такие как Мушум, отвергают католицизм в пользу исконных традиций, многие члены резервации периодически прибегают к обеим религиям в зависимости от своих потребностей. Эти две религии предлагают различные взгляды, которые люди либо сочетают, либо выбирают что-то одно в попытке удовлетворить свои духовные потребности. Например, когда Джо обеспокоен своими снами, он немедленно решает проконсультироваться с Мушумом, поскольку традиционные верования индейцев не ставят под сомнение важность снов и учат к ним прислушиваться. Когда Джо задумывает убийство Линдена, насильника матери, он идет к отцу Трэвису, чтобы прояснить сомнения по поводу греха убийства и его влияния на душу человека.

Изображая смесь католицизма и традиционной религии индейцев как нечто позитивное, Луиза Эрдрич указывает на возможность примирения двух традиций, которые исторически находились в конфликте. Писательница призывает не возводить в абсолют религиозные догмы и не воспринимать никакую религию как однородный, не подверженный изменениям монолит, а скорее рассматривать ее как культурный институт, который, с одной стороны, люди могут подвергать сомнению и выстраивать в соответствии с собственными духовными потребностями, а с другой – являющийся для них твердой точкой опоры в жизни.

Список литературы

- Ващенко А.В.* Индейская литература // История литературы США. Литература начала XX в. Москва: ИМЛИ РАН, 2009. Т. 5. С. 869–885.
- Ващенко А.В.* Культура, мифология и фольклор североамериканских индейцев доколониальной эпохи // История литературы США. Литература колониального периода и эпохи Войны за независимость. XVII–XVIII вв. Москва: Наследие, 1997. Т. 1. С. 39–88.
- Ващенко А.В.* Словесное творчество индейцев // История литературы США. Литература последней трети XIX в. 1865–1900 (становление реализма). Москва: ИМЛИ РАН, 2003. Т. 4. С. 876–893.
- Доржиева Г.С., Бадмаева Е.С.* Мифолого-религиозное мировосприятие североамериканских индейцев // Теория и практика преподавания востоковедных дисциплин. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, 2017. Вып. 15. С. 22–28.

Егорова И.Н. Проблема обретения идентичности в романах Л. Эрдрич: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2014. 170 с.

Шостак О.Г. Христианское русло восприятия в творчестве Карен Луиз Эрдрич // Научная дискуссия: вопросы юриспруденции, филологии, социологии, политологии, философии, педагогики, психологии, истории, математики, медицины, искусства и архитектуры. Москва: Издательский дом «Научное обозрение», 2013. С. 69–78.

Эрдрич Л. Круглый дом. Москва: Эксмо, 2019. 416 с.

Fitz K., Gross K.-D. Native American Literature as a Transcultural and Multimedia Experience: Sherman Alexie's "Reservation Blues". *American Studies*, 2007, vol. 52, No. 3, pp. 417-443.

Quinlan E. Ritual circles to home in Louise Erdrich's character names. *Names, a Journal of Onomastics*, 2007 (September), vol. 55 (3), pp. 253-275.

Rainwater C. Reading between worlds: Narrativity in the fiction of Louise Erdrich. *American Literature*, 1990, Sep., vol. 62, No. 3, pp. 405-422.

Whyte K. Settler Colonialism, Ecology, and Environmental Injustice. *Indigenous Resurgence. Decolonialization and Movements for Environmental Justice*, ed. by Jaskiran Dhillon. NY, Berghahn Books, 2022, pp. 127-146.

References

Dorzheva G.S., Badmaeva E.S. *Mifologo-religioznoe mirovospriyatie severoamerikanskih indejcev* [Mythological and religious worldview of North American Indians]. *Teoriya i praktika prepodavaniya vostokovednyh disciplin* [Theory and practice of teaching Oriental disciplines]. Ulan-Ude, Buryatskij gos. un-t im. Dorzhi Banzarova Publ., 2017, iss. 15, pp. 22-28. (In Russ.)

Egorova I.N. *Problema obreteniya identichnosti v romanah L. Erdriч: dis. ... kand. filol. nauk* [The problem of gaining identity in the novels by L. Erdrich: CandSc thesis]. Moscow, 2014, 170 p. (In Russ.)

Shostak O.G. *Hristianskoe ruslo vospriyatiya v tvorchestve Karen Luiz Erdriч* [The Christian channel of perception in the work of Karen Louise Erdrich]. *Nauchnaya diskussiya: voprosy yurisprudencii, filologii, sociologii, politologii, filosofii, pedagogiki, psihologii, istorii, matematiki, mediciny, iskusstva i arhitektury* [Scientific discussion: questions of jurisprudence, philology, sociology, political science, philosophy, pedagogy,

psychology, history, mathematics, medicine, art and architecture]. Moscow, Nauchnoe obozrenie Publ., 2013, pp. 69-78. (In Russ.)

Erdrich L. *Kruglyj dom* [The round house]. Moscow, Eksmo Publ., 2019, 416 p. (In Russ.)

Vashchenko A.V. *Indejskaya literatura* [The literature of Native Americans]. *Istoriya literatury SSHA. Literatura nachala XX v.* [History of literature of the USA. Literature of the XX century]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2009, vol. 5, pp. 869-885. (In Russ.)

Vashchenko A.V. *Kul'tura, mifologiya i fol'klor severoamerikanskih indejcev dokolonial'noj epohi* [Culture, mythology and folklore of North American Indians of the pre-colonial era]. *Istoriya literatury SSHA. Literatura kolonial'nogo perioda i epohi Vojny za nezavisimost'. XVII-XVIII vv.* [History of literature of the USA. Literature of the colonial period and the era of the War of Independence. XVII-XVIII centuries]. Moscow, Nasledie Publ., 1997, vol. 1, pp. 39-88. (In Russ.)

Vashchenko A.V. *Slovesnoe tvorchestvo indejcev* [Folklore and writings of American Indians]. *Istoriya literatury SSHA. Literatura poslednej treti XIX v. 1865-1900 (stanovlenie realizma)* [History of literature of the USA. Literature of the last third of the XIX century, 1865-1900 (the formation of realism)]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003, vol. 4, pp. 876-893. (In Russ.)

Fitz K., Gross K.-D. Native American Literature as a Transcultural and Multimedia Experience: Sherman Alexie's "Reservation Blues". *American Studies*, 2007, vol. 52, No. 3, pp. 417-443.

Quinlan E. Ritual circles to home in Louise Erdrich's character names. *Names, a Journal of Onomastics*, 2007 (September), vol. 55 (3), pp. 253-275.

Rainwater C. Reading between worlds: Narrativity in the fiction of Louise Erdrich. *American Literature*, 1990, Sep., vol. 62, No. 3, pp. 405-422.

Whyte K. Settler Colonialism, Ecology, and Environmental Injustice. *Indigenous Resurgence. Decolonialization and Movements for Environmental Justice*, ed. by Jaskiran Dhillon. NY, Berghahn Books, 2022, pp. 127-146.

Статья поступила в редакцию 02.08.2023; одобрена после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 13.11.2023.

The article was submitted 02.08.2023; approved after reviewing 30.10.2023; accepted for publication 13.11.2023.